

«Учреждение, где ведают страхом и ужасом»: Архангельское губернское жандармское управление в 1908–1915 годах

А. Д. Резанов

Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова,
г. Архангельск
andreydmrezanov@yandex.ru

Аннотация

Статья анализирует особенности развития политического сыска в Архангельской губернии в 1908–1915 гг., когда губернское жандармское управление возглавлял полковник, позже генерал-майор, Николай Илларионович Мочалов. Для подобной должности это был весьма длительный период руководства, который характеризовался тремя этапами: активной борьбой жандармов и полиции с революционным движением в годы «столыпинской реакции», затем некоторой стабилизацией обстановки к 1914 г., и первыми годами Первой мировой войны.

Обоснование решающего значения личности Н. И. Мочалова как опытного функционера политического сыска в достаточно эффективном снятии социального напряжения, которое росло в регионе с конца XIX в. и достигло апогея в период революции 1905–1907 гг. В военное время обострившаяся шпиономания, в совокупности с проблемами усложнившейся службы, сделали фигуру Н. И. Мочалова неудобной для жандармско-полицейского начальства. Методы борьбы с «внутренней угрозой» мирного времени оказались неактуальными в военный период в связи с необходимостью качественного повышения активности жандармов, сотрудничества с военными властями.

Ключевые слова:

политический сыск, жандармы, Архангельское губернское жандармское управление, революционное движение, Первая мировая война, контрразведка

В истории Российской империи XX в. произошло две революции, которые отражали сложные социальные процессы, вызванные проблемами устройства пореформенного русского общества. Революция 1905–1907 гг. подняла против властей большинство социальных слоев (рабочие, крестьяне, интеллигенция, мелкая и средняя буржуазия), представители каждого из которых предлагали собственный вариант государственного устройства в рамках ограничения монархии либо вовсе ее свержения. Некоторое ограничение самодержавной власти демократически-

«An institution where fear and horror are in charge»: Arkhangelsk Provincial Gendarmerie Department in 1908–1915

A. D. Rezanov

M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University,
Arkhangelsk
andreydmrezanov@yandex.ru

Abstract

The paper analyzes the peculiarities of the development of political investigation in the Arkhangelsk province in 1908–1915, when the Provincial Gendarmerie Department was headed by Colonel, later Major General, Nikolai Illarionovich Mochalov. For such a position, it was a very long period of leadership, which was characterized by three stages: the active struggle of the gendarmes and police against the revolutionary movement during the “Stolypin reaction”, then some stabilization of the situation by 1914, and the first years of the World War. The purpose of the paper is to substantiate the decisive importance of N.I. Mochalov's personality as an experienced functionary of political investigation, who was quite effective in relieving social tension that had been growing in the region since the end of the XIX century and reached its apogee during the Revolution of 1905–1907. During wartime the aggravated espionage, combined with the problems of the complicated service, made the figure of N.I. Mochalov inconvenient for the Gendarmerie and Police authorities. Methods of combating the “internal threat” in peacetime turned out to be irrelevant in the war period due to the need to qualitatively increase the activity of the gendarmes and cooperation with the military authorities.

Keywords:

political investigation, gendarmes, Arkhangelsk Provincial Gendarmerie Department, revolutionary movement, First World War, counterintelligence

ми институтами в итоге произошло, но уже через 10 лет, в конце февраля–начале марта 1917 г., правящий режим рухнул под новым напором массового движения.

Эти 10 лет «меж двух революций» представляли собой особенный период и по-разному оценивались в историографии. Советские авторы, всецело критикуя реакционную политику П. А. Столыпина на посту министра внутренних дел, отмечали, что период 1907–1917 гг. характеризовался дальнейшим отрывом царизма от своей социальной опоры в виде дворянства и крупной буржуазии, что определи-

ло невозможность сохранения государственности в рамках «третьеиюньской системы» [1, с. 11]. Общая позиция современной историографии акцентирует внимание на переходном характере данного этапа, когда в политической системе «причудливо сочетались элементы нового и старого», а репрессии для стабилизации обстановки сопровождались в дальнейшем попытками правящих кругов решить «наболевшие проблемы развития страны путем реформ», дабы избежать нового революционного взрыва [2, с. 374–375].

Так или иначе, после провала радикально-социалистического и «кадетского» сценариев революции в 1905–1907 гг., власть приступила к жесткой борьбе с революционным движением. В ее силах для этого имелась разветвленная полицейская система, особенной частью которой являлись органы, ведущие политический сыск. К 1907 г. это были губернские жандармские управления, жандармские полицейские управления железных дорог, охранные отделения в губерниях и районные охранные отделения (далее – РОО). Все эти структуры в своей наблюдательной и розыскной службе были подчинены Департаменту полиции МВД, а по всем внутренним вопросам функционирования – Управлению Отдельного корпуса жандармов (далее – ОКЖ), чьими чинами и комплектовались [3, с. 109].

Большинство жандармов и чинов «гражданской» полиции, которые также подключались к расследованию дел по «государственным преступлениям», было рассредоточено по губерниям. И если яркие страницы политического сыска 1907–1914 гг. в Санкт-Петербурге и других крупных городах Империи подробно описаны, то ситуация с изучением «провинциальной» борьбы против революционеров иная. История некоторых губерний в указанный период изучена скудно, и, безусловно, это относится, например, к Архангельской губернии. Малочисленные статьи по истории регионального политического сыска [4, 5] более подробно описывают местную ситуацию в революционный (1905–1907) и военный (1914–1917) периоды, но не процессы, происходившие между ними.

Данное упущение особенно заметно, так как в указанный период Архангельское губернское жандармское управление (далее – АГЖУ) возглавлял Николай Илларионович Мочалов – видный функционер политической полиции, фигура отнюдь не заурядная в силу как минимум трех обстоятельств. В первую очередь, Н. И. Мочалов возглавлял местный политический сыск более семи лет, что было достаточно долго, учитывая, что средний срок пребывания начальника АГЖУ в должности составлял 3–5 лет. Дольше Мочалова возглавлял АГЖУ только А. Н. Щетинин в 1874–1885 гг. [6, л. 4 об]. Но если в случае полковника Щетинина длительный срок службы можно связать скорее со стабильной ситуацией в губернии и необходимостью организационного становления работы АГЖУ, то Н. И. Мочалову досталось совсем другое, куда более трудное положение дел. Только эффективность действий могла позволить ему доказать свою дальнейшую необходимость губернскому политическому розыску.

Значимую роль полковника Мочалова с точки зрения начальства ОКЖ еще ярче определяет тот факт, что из всех начальников АГЖУ только он был произведен в генерал-майоры, оставшись при этом в должности. Прочие начальники, вместе с повышением до генерал-майора либо выходили в отставку, либо их переводили в другую губернию.

Наконец, в истории АГЖУ нам пока не известно ни одного начальника, помимо Н. И. Мочалова, кто имел бы опыт службы в охранным отделении. Между тем, весьма ценным фактором для дальнейшей жандармско-полицейской деятельности было то, что в апреле 1897 г. Мочалов на несколько месяцев стал помощником начальника Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Санкт-Петербурге. Более того, в 1901–1902 гг. он исполнял обязанности начальника этого охранного отделения [7, с. 233].

Н. И. Мочалов родился в 1863 г. в семье потомственных дворян, получил образование в Техническом училище морского ведомства. В 1885 г. принял звание прапорщика, а в 1894 г. был произведен в ротмистры [8, л. 3]. Прежде чем возглавить АГЖУ, он успел, как и любой перспективный жандармский офицер, прослужить на многих постах и увидеть социально-политическую ситуацию в различных губерниях.

В 1887 г. Н. И. Мочалов вошел в состав ОКЖ, а уже в следующем году назначался адъютантом Архангельского губернского жандармского управления, пребывая в звании корнета. Таким образом, в жандармской карьере Мочалова знакомство с Севером произошло достаточно скоро. Служба в Архангельской губернии продолжилась: в первой половине 1889 г. Мочалов исполнял должность помощника начальника АГЖУ в Пинежском и Мезенском уездах, находящихся на северо-востоке. Затем, в сентябре 1889 г. его назначили адъютантом Казанского ГЖУ [7, с. 233].

В апреле 1900 г. МВД отмечал «особые заслуги» ротмистра Мочалова: его произвели в подполковники. В 1904 г. следует повышение до чина полковника. Затем, в 1906 г., была недолгая служба на посту начальника Енисейского ГЖУ, после – начальника Костромского ГЖУ [там же]. Наконец, 1 марта 1908 г. Н. И. Мочалова вновь назначают в Архангельскую губернию, теперь уже встать во главе «учреждения, где ведают страхом и ужасом».

Именно так главный герой исторической повести «В Девятьсот пятом» характеризует Архангельское ГЖУ, отправляясь туда на допрос [9, с. 57]. В 1905–1908 гг., до назначения Мочалова, АГЖУ возглавлял А. Ф. Соболев, на чье руководство и пришелся наиболее острый период революционного брожения, а также мощных общественных столкновений [10, л. 76–81]. Полковник Соболев действительно широко развернул оперативно-розыскную деятельность, направленную на борьбу с основным революционным элементом в губернии – политическими ссыльными. Массовые аресты и обыски 1906–1907 гг., особенно в период избирательной компании в Думу, привели к тому, что колония ссыльных в Архангельске, самая крупная в губернии, «полностью ликвидировала свои дела» [11,

с. 4]. Жандармы действовали жестко: например, пускались в ночную погоню за давно разыскиваемым рабочим и, после предупредительного выстрела, ловили и доставляли в АГЖУ [12, с. 4].

Несмотря на это, директор Департамента полиции (далее – ДП) М. И. Трусевич отмечал большие проблемы в эффективности работы АГЖУ: он констатировал, что полковник Соболев к концу 1907 г. так и не обзавелся секретными агентами, в целом не проявляет никакой активности в борьбе с революционерами [13, л. 4, 5; 8–12]. Начальник АГЖУ подробно объяснял причины затруднений (отсутствие подготовки к политическому розыску у «старых офицеров», малочисленность штата), но 1 марта 1908 г. был снят с должности и прикомандирован к Петербургскому ГЖУ.

Ознакомившись с положением дел в губернии, Н. И. Мочалов пришел к неутешительным выводам, которые в конце 1908 г. как новый начальник АГЖУ изложил в рапорте для штаба ОКЖ. Они касались в основном трех тесно связанных проблем, которые сразу были расценены как ключевые: отношений жандармов с полицией, надзора за ссыльными и работы с секретными агентами. В частности, Мочалов обозначил, что «фактического надзора за ссыльными не существует», работа городских не выдерживает критики, встречаются случаи попустительства полиции по отношению к ссыльным. Также упомянул о том, что Холмогорский уездный исправник выслал из города направленного АГЖУ агента [14, л. 18–21].

В этот период продолжались многочисленные обыски, которые жандармы вели вместе с чинами полиции. Например, в сентябре 1908 г. окончилось дознание по итогам обнаружения в книжном магазине М. Г. Шашковской «книг и брошюр преступного противоправительственного содержания» [15, л. 276–281]. Кроме того, большое количество нелегальной литературы было найдено в ходе обыска в Архангельском Союзе рабочих печатного дела [16, л. 31].

Что касается секретной агентуры, этот вопрос для всех провинциальных ГЖУ стал крайне актуальным, особенно после разоблачения Е. Ф. Азефа в 1908 г. [17, с. 91]. В условиях систематической борьбы с революционными ячейками, чинам жандармских и полицейских управлений было мало лишь выявлять нелегальную литературу, «работая по площадям». Требовалось иметь в распоряжении секретных сотрудников, способных вести внутреннее наблюдение. АГЖУ при этом получало на агентуру в пределах 1–2 тыс. руб. в год, что крайне мало относительно подавляющего большинства охранных структур [18, с. 42].

Поначалу это плохо сказывалось на наружном наблюдении. Так, в июне 1908 г. Н. И. Мочалов писал в Департамент полиции, что не имеет сведений о местной организации РСДРП из-за отсутствия секретных сотрудников, хотя и предполагает, что организация существует [19, л. 14]. Однако уже к концу года АГЖУ удалось наладить наблюдение за местными лицами, причислявшими себя к социал-демократам. Если опираться на сводки наблюдений, ежемесячно направляемые Мочаловым в ДП и РОО, в 1909 г. местная организация социал-демократов не име-

ла боевого крыла, зато жандармы располагали уже тремя секретными агентами в среде ссыльных, рабочих и интеллигентов [20, л. 19]. Несмотря на стабилизацию агентурной работы АГЖУ, сведения от секретных сотрудников были нерегулярными, что приводило к запросам ДП о том, существуют ли вообще в губернии нелегальные организации? [21, л. 4].

Если служебные отношения АГЖУ с вышестоящими инстанциями (ДП и Санкт-Петербургское РОО) не были осложнены в довоенный период, то в сотрудничестве с губернаторской властью камнем преткновения был вопрос о надлежащем надзоре за ссыльными. Поводом для беспокойства Н. И. Мочалова в 1909 г. послужили доклад помощника, который сообщал, что гласный надзор полиции исполняется «больше на бумаге чем на деле», а также собственные опасения по поводу возможных ограблений, которые могут устроить ссыльные с опытом экспроприаций [22, л. 167–178, 208]. Мочалов изложил свои соображения о необходимости охраны банка на особом совещании, что вызвало в итоге несогласие губернатора И. В. Сосновского. Тот назвал заключение АГЖУ недостаточно обоснованным, а опасения Мочалова преувеличенными [там же, л. 177]. Несмотря ни на что, в марте 1910 г. Мочалов доложил директору Департамента полиции Н. П. Зуеву, что усилил меры против ограблений, негласный надзор, и повелел унтер-офицерам города «лично знать в лицо всех ссыльных» [там же, л. 187].

Местные жандармы постепенно усиливали наблюдение за рабочим и крестьянским движениями. Например, 1 мая 1912 г. на лесозаводах района Маймакса было выявлено «скопище с целью выразить протест по поводу Ленских событий и сочувствие РСДРП». К дознанию привлекли 57 чел., хотя некоторые бежали и были объявлены в розыск [23, л. 5, 236–237].

В том же году АГЖУ должно было пресекать слухи среди крестьян о даровании «дополнительного бесплатного надела», которые могли бы вызвать восстание на почве раздела земли [22, л. 237]. Ранее Н. И. Мочалов выражал в штаб ОКЖ беспокойство за состояние крестьянских умунастроений в Шенкурском уезде, желая, чтобы в штат АГЖУ была возвращена должность помощника по данному уезду, которая была упразднена в 1902 г. Это позволило бы усилить жандармский надзор и число унтер-офицеров в Шенкурске. Однако в ответ постановили, что «за неимением свободных офицеров командирован никто быть не может» [24, л. 4]. Тогда Мочалов обратился за содействием к И. В. Сосновскому, но и это не принесло результатов [там же, л. 8].

Другими уездами, привлечшими внимание АГЖУ, стали западные: Кемский и Александровский. В 1910–1912 гг. Н. И. Мочалов пытался бороться с контрабандой из Финляндии, имея сведения о ввозимом оружии, бомбах и нелегальной литературе с корреспонденцией революционеров. Он просил усилить охрану на таможенных пунктах западных уездов, но управляющий Архангельской таможней, в свою очередь, сослался на большие расходы в случае усиления пунктов, а также на отсутствие «безусловно достоверных данных» о контрабанде [25, л. 6–7].

И если в ситуации со штатом Шенкурского уезда начальнику АГЖУ пришлось смириться, то в вопросе охраны российско-норвежской границы Н. И. Мочалов не отступил от идеи контроля перевозок. В конце 1913 г. он предложил направить жандармов в пограничное становище Печенга для помощи в полицейской проверке паспортов на судах, курсирующих в Норвегию и обратно. Проект был в итоге одобрен, и в период навигации мая-сентября 1914 г. жандармские чины (в том числе вахмистр Савчик, знавший шведский язык) вели проверку паспортов для выявления скрывающихся преступников [26, л. 12]. Итоги получились двойственными: унтер-офицеры достойно справились с возложенной миссией, но начальство ОКЖ не видело пользы в продолжении их деятельности. Вновь жандармский пункт в Печенге заработает только в условиях Первой мировой войны.

Но все же основным направлением в розыскной работе АГЖУ была на тот момент ликвидация местных ячеек РСДРП и ПСР, состоявших главным образом из ссыльных. Особенно насыщенными стали для местного политического сыска 1910–1911 гг.

В июле 1910 г. Н. И. Мочалов узнал, что в Пинеге образовалась группа социал-демократов в составе 18 ссыльных. В сентябре последовало 35 обысков, проведенных прибывшими туда из Архангельска жандармами [27, л. 102]. Это вызвало недовольство ДП, которое указало, что право производить обыски у ссыльных в установленном порядке есть лишь у общей полиции, а поскольку не было выявлено признаков государственного преступления, жандармерия не должна была самостоятельно вмешиваться [27, л. 116]. В Пинеге, по данным агента «Самарского», также возникла группа эсеров в составе 11 ссыльных. В ответ на донесение РОО сочло, что эти люди «весьма серьезны», и потому следует расследовать их деятельность глубже, после чего разогнать ссыльных по разным уездам [26, л. 88–90]. В июле, также благодаря работе «Самарского», в Пинежском уезде была выявлена группа организации «Бунд» в составе семи евреев, которую решили ликвидировать «в благоприятный момент» [27, л. 83 об].

В апреле того же года АГЖУ обратило внимание на собрание 21 члена революционных организаций в Холмогорах. Филерское наблюдение «по местным условиям» было «совершенно невозможно», но группу обязались ликвидировать в «наиболее благоприятный момент для изобличения» [28, л. 58 об]. Массовые обыски у ссыльных в Холмогорах грянули в июне, в результате чего было найдено множество писем и нелегальной литературы [29, л. 57–58].

В мае 1910 г. обыски к тому же прошли в Архангельске у группы лиц, оказывавших материальную помощь ссыльным, что привело к возбуждению через месяц переписки в порядке «Положения о мерах к охранению» 1881 г. Главным фигурантом стал врач С. А. Никонов, организовавший «Комитет красного креста партии СР» [30, л. 67–68].

К ноябрю 1910 г. Мочалов сообщал в Санкт-Петербургское РОО о Пинежской и Холмогорской группах эсеров как о «ликвидированных», выражал уверенность в местных секретных сотрудниках, но также просил «охранку» вы-

слать в Архангельск «своего сотрудника» для более подробного освящения деятельности архангельской организации эсеров [27, л. 146].

Разгром революционеров в двух уездах позволил АГЖУ вплотную заняться и другими. В частности, с лета 1911 г. агенты АГЖУ активно наблюдали за Кемской колонией ссыльных социал-демократов. 17 сентября ротмистр А. И. Говорович с отрядом унтер-офицеров в штатском был направлен на ликвидацию колонии [31, л. 88]. В ходе массовых обысков и арестов совместно с полицией колония была разогнана, обнаружилось большое количество нелегальной литературы. Однако не был найден устав организации, что затруднило возбуждение дознания. Поэтому Н. И. Мочалов предложил рассредоточить ссыльных по иным уездам [там же, л. 120]. В феврале 1911 г. вновь дала о себе знать Холмогорская группа социал-демократов. Охранная переписка велась по их делу до ноября. В ходе новых результативных обысков в Холмогорском уезде ссыльные (в их числе К. Е. Ворошилов) были арестованы [32, л. 3].

Так, к 1912 г. активная фаза ликвидации нелегальных организаций ссыльных в губернии завершилась, что совпадало с общим снижением социальной нестабильности в России. Отнюдь не все дела доходили до суда и тюремного заключения фигурантов, но партийной организации местные революционеры фактически лишились. Из последующих акций АГЖУ стоит отметить дело «архангельской группы анархистов-синдикалистов», которое было в центре внимания жандармов в течение апреля-сентября 1912 г. Позже эта группа стала именоваться в документации «анархистами-коммунистами» [33, л. 176]. Они были тесно связаны с СР и организовали в Архангельске демонстрацию 1 мая 1912 г. В ходе последовавших обысков у членов кружка нашлись красные флаги и нелегальная литература, а 12 подозреваемых помещены под стражу. В дальнейшем, при ведении дознания, число заключенных увеличилось до 17. Дело завершилось тем, что большинству анархистов-коммунистов мера пресечения была заменена на особый надзор полиции, а двое главных фигурантов внесли за себя большой залог [21, л. 390].

Наконец, в начале 1913 г. велась охранная переписка по Онежской группе социал-демократов среди рабочих лесопильных заводов. Подробные сведения от агента «Стрекаловского» позволили арестовать, а позже поместить под гласный надзор более десятка подозреваемых [34, л. 30–33].

Очевидно, что чинам АГЖУ во главе с Н. И. Мочаловым удалось качественно усилить розыскную деятельность и всего за несколько лет выстроить работу с секретными агентами. Эффективность политического сыска в этот период признается историками. М. К. Ветошкин писал, что «ко времени Февральской революции большевистские организации почти повсюду на Севере были разгромлены жандармами и полицией» [35, с. 22], а Е. И. Овсянкин отмечал, что «архангельским большевикам был нанесен весьма ощутимый удар в годы реакции» [36, с. 19]. Мы же могли убедиться, что не только большевики, но и эсеры становились предметом «ликвидации».

В деле ужесточения надзора за общим порядком и государственной безопасностью Н. И. Мочалов уделял большое внимание распределению личного состава АГЖУ по всей губернии. К 1914 г. структура ведомства приняла максимально разветвленный вид за все 50 лет своего функционирования: жандармы исполняли свои обязанности, находясь, помимо Архангельска и восьми уездных городов, также в селах, торговых посадах и на заводах (общей сложности – 20 пунктов) [37, л. 44–45]. В том же году, уже в условиях начавшейся Мировой войны, Мочалов настаивал на необходимости создания жандармского офицерского пункта в архангельском порту. С начала 1915 г. этот пункт был создан во главе с ротмистром А. Ф. Бетковским. В его подчинении находилось 12 прикомандированных унтер-офицеров, и так общий штат АГЖУ достиг более чем 40 чинов [там же]. Такого количества жандармов в губернии никогда не присутствовало, хотя, конечно, все равно его было мало для надлежащего контроля обстановки.

Однако, несмотря на усилия Мочалова с Бетковским и разработанные правила получения пропусков в военно-перегрузочные районы, сама процедура была несложной, а сторожевая служба во многом халатной. В 1914–1915 гг. архангельский порт не располагал ни серьезными заграждениями, ни сосредоточенностью на территории порта многочисленной охраны [38, с. 17]. К тому же, негативно на функции жандармского пункта в портовых районах влияла бюрократизация, когда переписки по любому вопросу могли длиться до возникновения ЧП [4, с. 14].

В целом, во время войны в губернии были не распространены социальные протесты, проявлялись только локальные выступления экономического характера [39, л. 121]. Основной проблемой АГЖУ стала уже не борьба с революционным движением, а необходимость координации действий с военными властями в контрразведывательных мероприятиях. Но это явилось для Н. И. Мочалова тем обстоятельством, которое в конечном счете привело к закату карьеры. Прежде всего, чины ОКЖ всю свою историю службы были должны выявлять внутренних врагов государственного строя и бороться с ними. Поэтому АГЖУ продолжало вести наблюдательную деятельность для обнаружения оппозиции, например в военно-промышленном и продовольственном комитетах, латышском обществе, польском обывательском комитете, среди еврейского населения.

Контрразведка, в свою очередь, предполагала выявление шпионов как внешних неприятелей, т. е. имела другую специфику работы. Поэтому жандармов обвиняли в непрофессионализме, а также в том, что они неумелыми действиями на поприще борьбы со шпионажем способствовали чрезмерному развитию в стране шпиономании [40, л. 34]. Это стало особенно характерно для Архангельска, где издавна существовала большая «немецкая» община: потомков не только (и не столько) германских, но и британских, голландских, скандинавских родов. «Немцами» именовали всех выходцев из Западной Европы.

Вполне логично, что во время войны с Германией «немецкое» население Архангельска попало под подозрение в сочувствии к врагу. Одним из ярких примеров

архангельской шпиономании стало дело заведующего Мурманской биологической станции Г. А. Ключе, которого обвинили в симпатии германскому правительству. Ключе, а также его мать 76 лет были арестованы и заключены под стражу, а затем под конвоем направлены в Петроград. В итоге мать Ключе умерла, а АГЖУ пришло к выводу, что имел место оговор ученого [41, л. 61, 125].

По мнению Л. Г. Новиковой, архангельские жандармы и военные чиновники были склонны списывать все беды на происки «внутреннего немца» [42, с. 41]. Межэтническая ситуация усугублялась тем, что многие «немцы» принадлежали к обеспеченным слоям, а особенно это касалось владельцев лесопильных заводов. Так, в 1913 г. выходцам с Запада принадлежали в Архангельской губернии девять заводов из 44, или 20 % [36, с. 17]. К «немецкой» семье относилась и Альма Яковлевна Клафтон – жена Н. И. Мочалова, которая скончалась еще в 1911 г. Она принадлежала к купеческому роду британского происхождения.

Управление ОКЖ и Департамент полиции из Петрограда не стремились вникнуть в разницу между иностранцами и местными обрусевшими «немцами». 26 июня 1915 г. Мочалов составил доклад для начальника штаба ОКЖ В. П. Никольского, стараясь снять с себя обвинения в связях с немцами и в том, что под влиянием родственников покойной жены «пассивно и равнодушно относился к поступающим сведениям по шпионажу» [43, л. 1–5]. Начальник АГЖУ объяснял, что подавляющее большинство архангельских «немцев», и в том числе Клафтоны, происходят не из Германии, но это не помогло. Приказом по ОКЖ от 25 июля 1915 г. Н. И. Мочалов был снят с должности и получил выговор. Утверждалось, что с самого начала войны он слепо полагался на данные контрразведывательных органов, а сам «не проявлял инициативы» в борьбе со шпионажем. Руководство ОКЖ настаивало, что в Архангельске «издавна замечалось немецкое засилье» [43, л. 6]. Мочалова отныне назначили начальником Пермского ГЖУ, а руководителя этого управления Е. П. Флоринского, в свою очередь, перевели на пост начальника АГЖУ.

Можно сказать, что это была ссылка. Генерал-майор счел новое назначение «незаслуженным, крайне обидным и разорительным», ходатайствовал о пересмотре решения, но оно осталось в силе [43, л. 8–9]. Мочалов был вынужден покинуть губернию, в которой без сомнения успел полностью укорениться в личном и служебном плане.

При начальниках АГЖУ Е. П. Флоринском (1915–1916) и А. Н. Кормилеве (1916–1917) борьба с германским шпионажем еще более усилилась, как и укрепилась охрана порта. Кроме того, для повышения качества контрразведки осенью 1915 г. при Флотилии Северного Ледовитого океана создавалось Беломорское контрразведывательное отделение, а в январе 1917 г. запускался контрразведывательный пункт при штабе Кольского оборонительного района [44, с. 28]. Данные структуры возглавлялись и комплектовались чинами ОКЖ, но не имели отношения к АГЖУ, никак от него не зависели.

Что касается Н. И. Мочалова, должность начальника Пермского ГЖУ стала для него последней. Уже в 1916 г. по состоянию здоровья он вышел в отставку. Его дальнейшая

судьба остается во многом неясной. Имеет смысл предположить, что Мочалов в итоге вернулся в Архангельск, возможно, к оставшимся там родственникам и незавершенным делам. Во всяком случае, он находился на территории Архангельской губернии, так как, по некоторым данным, 27 июня 1918 г. был арестован силами ЧК. Во время обыска на его квартире «было найдено много документов и рукописей важного характера», после чего Мочалова доставили в губернскую ЧК при Архангельском губисполкоме [45, с. 65]. Дальнейшие детали пока остаются неизвестными, но, учитывая самую активную деятельность генерал-майора во главе АГЖУ, едва ли ему удалось избежать кары «жандармов» нового режима.

История Н. И. Мочалова позволяет заключить, что служебная карьера и общая репутация чинов ОКЖ из числа штаб-офицеров, даже если те являлись значительными фигурами политического сыска, зависели от многих обстоятельств. Это были не только опыт и эффективность работы во главе различных ГЖУ. Важным было и умение перестраиваться под актуальные нужды времени, справляться со специфическими задачами, чувствовать потребности текущей повестки, которая могла быть обусловлена не только служебно-государственными, но и чисто политическими факторами.

Очевидно, что в 1908 г. А. Ф. Соболев был заменен на Н. И. Мочалова как на опытного функционера, способного выстроить в губернии передовые формы политического розыска, организовать агентуру и побороть революционные ячейки. Все это, как мы могли убедиться, удалось. Возможно, проблема в итоге возникла от продолжительности службы Мочалова в АГЖУ: к 1914 г. он считал выстроенный формат политического сыска предельно адекватным реальности. Но ситуация резко изменилась с началом войны, когда политическая полиция вновь стала нуждаться в серьезном обновлении, переориентации на внешние угрозы. Возможно, генерал-майор смог бы справиться с новым вызовом, но субъективный фактор в виде старых «немецких» связей, которые Мочалов не мог обрывать, как и скрыть происхождение покойной жены, не позволил это сделать. Архангельской губернии при этом Н. И. Мочалов остался верен.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Дякин, В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. / В. С. Дякин. – Ленинград : Наука, 1988. – 227 с.
2. Дворниченко, А. Ю. Отечественная история (до 1917 года): учеб. пособие по дисциплине «Отечественная история» для студентов вузов / А. Ю. Дворниченко. – Москва : Гардарики, 2005. – 447 с.
3. Перегудова, З. И. Политический сыск России (1880–1917) / З. И. Перегудова. – Москва : РОССПЭН, 2000. – 430 с.
4. Абрамов, Ю. П. Контрразведывательная работа Архангельского губернского жандармского управления в годы Первой мировой войны / Ю. П. Абрамов // На страже безопасности Поморского Севера. – Архангельск, 2003. – С. 9–53.
5. Трофименко, В. Г. Архангельское губернское жандармское управление в XIX–начале XX вв. / В. Г. Трофименко // История органов государственной безопасности на Севере России. – Архангельск, 2014. – С. 9–17.
6. Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 1323. Оп. 3. Д. 54.
7. Алексеев, И. Е. На страже Империи. Выпуск IV : Статьи и документы по истории черносотенства, русского национализма, дворянства, политического сыска и белого движения / И. Е. Алексеев. – Казань, 2011. – 314 с.
8. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5467.
9. Коницев, К. И. В Девятьсот пятом / К. И. Коницев. – Архангельск : Облгиз, 1952. – 123 с.
10. ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 41.
11. Газета «Архангельск» №124. 16.06.1907.
12. Газета «Голос Севера» №220. 2.06.1907.
13. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 110. Оп. 2. Д. 13219.
14. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 505.
15. ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 99.
16. ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т. 4. Д.12.
17. Коновалов, Ф. Я. Секретная агентура провинциальных губернских жандармских управлений в начале XX в. (на материалах Вологодского губернского жандармского управления) / Ф. Я. Коновалов // *Historia Provinciae*. – 2019. – Т. 3, № 1. – С. 86–145.
18. Щеголев, П. Е. Охранники, агенты, палачи / П. Е. Щеголев. – Москва : Просвет, 1992. – 332 с.
19. ГААО. Ф. 8660. Оп. 4. Д. 110.
20. ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 13.
21. ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 7.
22. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 1.
23. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 339.
24. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5384.
25. ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 131.
26. ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 664.
27. ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 11.
28. ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 10.
29. ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т. 5. Д. 756.
30. ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 9.
31. ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 16.
32. ГААО. Ф. 8660. Оп. 9. Д. 51.
33. ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 18.
34. ГААО. Ф. 8660. Оп. 4. Д. 178.
35. Ветошкин, М. К. Становление власти Советов на севере РСФСР / М. К. Ветошкин. – Москва : Советская Россия, 1957. – 131 с.
36. Овсянкин, Е. И. На изломе истории: события на Севере в 1917–1920 гг. : мифы и реальность / И. Е. Овсянкин. – Архангельск : Архконсалт, 2007. – 557 с.
37. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5467.
38. Толочко, А. В. «Дело удастся наладить полностью»: организация охраны Архангельского порта в 1917 году / А. В. Толочко // *Военно-исторический журнал*. – 2017. – № 2. – С. 16–22.

39. Голдин, В. И. Север России на пути к Гражданской войне / В. И. Голдин. – Архангельск : САФУ, 2018. – 623 с.
40. Иванов, А. А. «Северная стража». Контрразведка на русском Севере в 1914–1920 гг. / А. А. Иванов. – Москва : Кучково поле, 2011. – 270 с.
41. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 413.
42. Новикова, Л. Г. Провинциальная контрреволюция. Белое движение и Гражданская война на Русском Севере, 1917–1920 / Л. Г. Новикова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2011. – 368 с.
43. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 640.
44. Христофоров, В. С. Контрразведка ВМФ СССР, 1941–1945 / В. С. Христофоров, А. П. Черепков, Д. Ю. Хохлов. – Москва : Вече, 2015. – 416 с.
45. Ильин, В. Н. Архгубчека: период становления / В. Н. Ильин // На страже безопасности Поморского Севера. – Архангельск, 2003. – С. 53–84.
9. Konichev, K. I. V Devyat'sot pyatom [In 1905] / K. I. Konichev. – Arkhangel'sk: Regional state publ., 1952. – 123 p.
10. GAAO. F. 1323. Op. 2. D. 41.
11. Gazeta «Arkhangel'sk» [newspaper] №124. 16.06.1907.
12. Gazeta «Golos Severa» [“Voice of the North” newspaper] №220. 2.06.1907.
13. Gosudarstvennyi arkhiv Rossi'skoi Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation]. F. 110. Op. 2. D. 13219.
14. GAAO. F. 1323. Op. 1. D. 505.
15. GAAO. F. 1323. Op. 2. D. 99.
16. GAAO. F. 1. Op. 4, Vol. 4. D.12.
17. Konovalov, F.Ya. Sekret'naya agentura provintsial'nykh gubernskikh zhandarmskikh upravlenii v nachale XX v. (na materialakh Vologodskogo gubernskogo zhandarmskogo upravleniya) [Secret agents of Provincial Gendarmerie Departments at the beginning of the XX century (based on the materials of the Vologda Provincial Gendarmerie Department)] / F. Ya. Konovalov // Historia Provinciae – Zhurnal regional'noi istorii [Historia Provinciae – J. of Regional History]. – 2019. – Vol. 3. – No.1. – P. 86–145.
18. Shchegolev, P. E. Okhranniki, agenty, palachi [Guards, agents, punishers] / P. E. Shchegolev. – Moscow: Prosvet Publ., 1992. – 332 p.
19. GAAO. F. 8660. Op. 4. D. 110.
20. GAAO. F. 1323. Op. 7. D. 13.
21. GAAO. F. 1323. Op. 7. D. 7.
22. GAAO. F. 1323. Op. 1. D. 1.
23. GAAO. F. 1323. Op. 1. D. 339.
24. GAAO. F. 1323. Op. 1. D. 5384.
25. GAAO. F. 1. Op. 12. D. 131.
26. GAAO. F. 1323, 2, 664.
27. GAAO. F. 1323. Op. 7. D. 11.
28. GAAO. F. 1323. Op. 7. D. 10.
29. GAAO. F. 1. Op. 4, t. 5. D. 756.
30. GAAO. F. 1323. Op. 7. D. 9.
31. GAAO. F. 1323. Op. 7. D. 16.
32. GAAO. F. 8660. Op. 9. D. 51.
33. GAAO. F. 1323. Op. 7. D. 18.
34. GAAO. F. 8660. Op. 4. D. 178.
35. Vetoshkin, M. K. Stanovlenie vlasti Sovetov na severe RSFSR [Formation of Soviet power in the North of the RSFSR] / M. K. Vetoshkin. – Moscow: Soviet Russia Publ., 1957. – 131 p.
36. Ovsyankin, E. I. Na izlome istorii: sobytiya na Severe v 1917–1920 gg.: mify i real'nost' [At the Breaking point of history: events in the North in 1917–1920: myths and reality] / E. I. Ovsyankin. – Arkhangel'sk: Arkhkonsalt Publ., 2007. – 557 p.
37. GAAO. F. 1323. Op. 1. D. 5467.
38. Tolochko, A. V. «Delo udastsya naladit' polnost'yu»: organizatsiya okhrany Arkhangel'skogo porta v 1917 godu [“The matter will be completely established”: organisation of security of the Arkhangel'sk port in 1917] / A. V. Tolochko // Voенно-istoricheskii zhurnal [Military History J.]. – 2017. – No. 2. – P. 16–22

References

1. Dyakin, V. S. Burzhuaziya, dvoryanstvo i tsarizm v 1911–1914 gg. [Bourgeoisie, nobility and tsarism in 1911–1914] / V. S. Dyakin. – Leningrad: Nauka, 1988. – 227 p.
2. Dvornichenko, A. Yu. Otechestvennaya istoriya (do 1917 goda): ucheb. posobie po distsipline «Otechestvennaya istoriya» dlya studentov vuzov [Russian History (before 1917): textbook on the discipline “Russian History” for university students] / A. Yu. Dvornichenko. – Moscow: Gardariki Publ., 2005. – 447 p.
3. Peregudova, Z. I. Politicheskii sysk Rossii (1880–1917) [Political investigation of Russia (1880–1917)] / Z. I. Peregudova. – Moscow: ROSSPEN Publ., 2000. – 430 p.
4. Abramov, Yu. P. Kontrrazvedyvatel'naya rabota Arkhangel'skogo gubernskogo zhandarmskogo upravleniya v gody pervoi mirovoi voyny [Counterintelligence service of the Arkhangel'sk Provincial Gendarmerie Department during the First World War] / Yu. P. Abramov // Na strazhe bezopasnosti Pomorskogo Severa [On guard of the security of the Pomor North]. – Arkhangel'sk, 2003. – P. 9–53.
5. Trofimenko, V. G. Arkhangel'skoe gubernskoe zhandarmskoe upravlenie v XIX – nachale XX vv. [Arkhangel'sk Provincial Gendarmerie Department in the XIX – early XX centuries] / V. G. Trofimenko // Istoriya organov gosudarstvennoi bezopasnosti na Severe Rossii [The history of state security agencies in the North of Russia]. – Arkhangel'sk, 2014. – P. 9–17.
6. Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti (GAAO) [State Archive of the Arkhangel'sk region]. F. 1323. Op. 3. D. 54.
7. Alekseev, I. E. Na strazhe Imperii. Vypusk IV: Stat'i i dokumenty po istorii chernosotenstva, russkogo natsionalizma, dvoryanstva, politicheskogo syska i belogo dvizheniya [On guard of the Empire. Issue IV: Articles and documents on the history of the Black Hundreds, Russian nationalism, nobility, political investigation and the white movement] / I. E. Alekseev. – Kazan, 2011. – 314 p.
8. GAAO. F. 1323. Op. 1. D. 5467.

39. Goldin, V. I. Sever Rossii na puti k Grazhdanskoi voine [The North of Russia on the way to Civil War] / V. I. Goldin. – Arkhangelsk: Northern Arctic Federal Univ. Publ., 2018. – 623 p.
40. Ivanov, A. A. «Severnaya strazha». Kontrrazvedka na russkom Severe v 1914–1920 gg. [“Northern Guard”. Counterintelligence in the Russian North in 1914–1920] / A. A. Ivanov. – Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2011. – 270 p.
41. GAAO. F. 1323. Op. 1. D. 413.
42. Novikova, L.G. Provintsial'naya kontrrevolyutsiya. Beloe dvizhenie i Grazhdanskaya voina na Russkom Severe, 1917–1920 [Provincial counter-revolution. The White Movement and the Civil War in the Russian North, 1917–1920] / L. G. Novikova. – Moscow: New literary review Publ., 2011. – 368 p.
43. GAAO. F. 1323. Op. 1. D. 640.
44. Khristoforov, V. S. Kontrrazvedka VMF SSSR, 1941–1945 [Counterintelligence of the USSR Navy, 1941–1945] / V. S. Khristoforov, A. P. Cherepkov, D. Yu. Khokhlov. – Moscow: Veche Publ., 2015. – 416 p.
45. Ilyin, V. N. Arkhgubcheka: period stanovleniya [Arkhangelsk provincial emergency commission: formation period] / V. N. Ilyin // Na strazhe bezopasnosti Pomorskogo Severa [On guard of the Pomor North security]. – Arkhangelsk, 2003. – P. 53–84.

Информация об авторе:

Резанов Андрей Дмитриевич – аспирант кафедры Отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова (163002, Российская Федерация, г. Архангельск, набережная Северной Двины, д. 17; e-mail: andreydmrezanov@yandex.ru).

Author:

Andrei D. Rezanov – postgraduate student of the Department of National History of M.V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University (17, Severnaya Dvina Embankment, Arkhangelsk 163002; e-mail: andreydmrezanov@yandex.ru).

Для цитирования:

Резанов, А. Д. «Учреждение, где ведают страхом и ужасом»: Архангельское губернское жандармское управление в 1908–1915 годах / А. Д. Резанов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 1 (67) – С. 72–79.

For citation:

Rezanov, A. D. «An institution where fear and horror are in charge»: Arkhangelsk Provincial Gendarmerie Department in 1908–1915 / A. D. Rezanov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». – 2024. – No. 1(67). – P. 72–79.

Дата поступления статьи: 24.10.2023

Прошла рецензирование: 27.10.2023

Принято решение о публикации: 30.10.2023

Received: 24.10.2023

Reviewed: 27.10.2023

Accepted: 30.10.2023